

ОППОЗИЦИЯ ОФИЦИАЛЬНОГО И ОБЫДЕННОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА (ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ)

Рассматривается специфика официального и обыденного толкования права в лингвокогнитивном аспекте (с позиции лингвистического интерпретационизма). В качестве основополагающей черты обыденного толкования признается вариативность понимания и интерпретации смысла правовых текстов и терминов как их компонентов, обусловленная объективными языковыми факторами и индивидуально-психологическими особенностями реципиента. Официальное толкование строится на преодолении вариативности толкования как проявления его субъективности. Данная оппозиция является предметом обсуждения в настоящей статье и определяет логику ее построения. Исследование осуществляется на материале юридических и юрислингвистических работ и экспериментальных данных.

Ключевые слова: толкование права; официальное толкование; неофициальное толкование; обыденное толкование; юридический язык; юридические термины.

Объектом настоящей статьи является толкование права, воплощенного в различных языковых формах. Говоря о толковании права, мы имеем в виду прежде всего толкование правового текста (а именно текста закона) и отдельных его элементов (юридических терминов). Правовой текст является «коммуникативно-познавательной единицей, без которой право существовать не может» [1]. Право «немыслимо вне текста закона, образом существования его является проговаривание, интерпретация смыслов этого текста» [2. С. 11].

При интерпретации текста неизбежно возникает проблема толкования отдельных слов, прежде всего – ключевых слов, на которых базируется восприятие текста. Для правового текста такими ключевыми словами являются юридические термины – основной наиболее информационный пласт лексики языка законодательства, отражающий сущность правовых явлений и процессов.

В качестве главного параметра противопоставления официального и обыденного толкования принимается параметр вариативности-единственности толкования. Основная проблема связана с тем обстоятельством, что данный параметр в юридической (и отчасти лингвистической) литературе избирательно относится к полюсам оппозиции – официальное толкование строится в основном на постулате однозначности результатов толкования как его идеале, обыденное толкование в этом плане чаще всего прямо или косвенно трактуется как неидеальное, некачественное, периферийное. В статье предпринимается попытка снять с обыденного толкования и субъективно-множественного способа его существования негативные оценки, представить его в объективистском модусе.

1. О понятии «толкование права». Толкование права является одной из наиболее древних и традиционных проблем юридической науки. В общем виде толкование права – это «особый вид деятельности государственных органов, различных организаций и отдельных граждан, направленный на уяснение и разъяснение смысла и содержания общеобязательной воли законодателя, выраженной в норме права» [3. С. 626].

Разработке данной проблемы посвящены работы таких теоретиков права, как С.С. Алексеев, Н.Н. Вопленко, А.С. Пиголкин, В.В. Лазарев, А.Ф. Черданцев и др. Однако исследованию в этих ра-

ботах подвергалась в основном та часть проблемы толкования текста закона, которая связана с официальным толкованием и властной деятельностью субъектов праворазъяснительной работы. Неофициальное же толкование до сих пор зачастую выпадает из поля зрения исследователей. Особенно это касается обыденного толкования, которое, по существу, остается неисследованным. Имеются лишь отдельные замечания о нем. Так, в работе С.С. Алексеева «Общая теория права» неофициальному толкованию права уделено несколько строк, имеющих общий характер: «Влияние неофициального толкования на правовое регулирование зависит главным образом от его правильности и убедительности (компетентности). Оно должно быть отграничено от того, что названо обыденным толкованием – уяснением юридических норм в житейской практике, в повседневной жизни. Обыденное толкование не представляет собой какого-либо специфического правового явления: оно является составной частью массового правосознания» [4. С. 85].

В учебном пособии Л.В. Соцура «Неофициальное толкование норм права» один из разделов посвящен социальной и юридической природе обыденного толкования, его основным чертам, формам, функциям [5]. Исследование языковых особенностей толкования в работе отсутствует.

Официальное и неофициальное толкование выделяется в зависимости от юридических последствий, наступивших в результате толкования правовой нормы.

Под официальным толкованием понимается «разъяснение смысла норм права, исходящее от государственно-властного органа и имеющее обязательный характер для всех субъектов, чьи взаимоотношения регулируются разъясняемой нормой» [6. С. 54]. Официальное толкование ориентировано прежде всего на максимальную однозначность толкования воли законодателя, оформленной посредством текста правового акта, оно не учитывает особенности восприятия и толкования норм права рядовыми реципиентами.

Неофициальное толкование предполагает «такое разъяснение смысла права, которое осуществлено не уполномоченными специально на это органами и лицами и не имеет обязательного характера, т.е. не обладает юридической силой» [Там же. С. 58]. В отличие от официального толкования, неофициальному толкованию

присуща вариативность понимания и интерпретации смысла правовых текстов. Данная особенность характерна в первую очередь для такой разновидности не-официального толкования, как обыденное толкование.

Обыденное толкование – «правовое явление, выражающее правовые чувства, эмоции, представления, переживания, оценочные и иные суждения, происходящие в сфере психики граждан в связи с исполнением прав и обязанностей, отношения к праву в целом и к конкретному закону или иному нормативному правовому акту в частности» [5. С. 112]. В обыденном толковании текста законов рядовыми гражданами особенно значимо проявляются ограниченные возможности стратегии, ориентированной на однозначность понимания.

Еще раз подчеркнем, что осмысление оппозиции официального и обыденного толкования права начинают именно ученые-юристы. В центре их внимания – юридическая основа данных видов толкования, языковые же особенности не являются непосредственным предметом изучения.

2. Конфликт интерпретаций как основа оппозиции официального и обыденного толкования права. Основной конфликт интерпретаций законодателя и рядового законопослушного гражданина состоит в том, что законодатель изначально стремится к максимальной однозначности текста, а рядовой носитель языка может усмотреть несколько достаточно обоснованных вариантов толкования. Как отмечает Н.Д. Голев, «...обыденное языковое сознание не может действовать иначе, чем в режиме субъективной интерпретации, мягкой семантизации и приблизительного отождествления. Для него ближе постмодернистское представление о множественности интерпретации как основном способе бытия истины, чем “аристотелевская формальная логика”, к которой склоняется логика юридическая» [7. С. 27]. Множественность интерпретации обусловлена одновременно объективными факторами – универсальными свойствами языка (динамичность, вариативность, асимметрия формы и значения и т.д.) – и индивидуально-психологическими особенностями реципиента, активным и креативным характером его рецептивной деятельности.

В процессе интерпретации рядовой носитель языка имеет дело с функциональной юридической разновидностью русского языка как самостоятельной подсистемой. Юридический язык не может быть переведен на обыденный русский язык элементарным способом – путем имеющихся в обыденном сознании стихийно сформированных кодов. Как и другие феномены языко-правовой зоны, юридический язык обладает специфическим качеством, не выводимым в полной мере из литературного субстрата [8. С. 39]. Особое качество юридического языка обусловлено тем, что антиномическое бытие естественного языка, стихийность законов его существования, полевое устройство семантики языковых единиц вступают в противоречие с предписательным императивом юридических текстов и жесткой семантизацией языковых единиц, используемых в юридической речи. Это приводит к тому, что понимание правовых норм рядовыми носителями языка не всегда соответствует правовой идее, заложенной законодателем в тексте закона, вследствие чего возникает потенциал коммуникативной неудачи.

Юридические тексты, конструкции, термины, составляющие содержание юридического языка, также являются амбивалентными. С одной стороны, они представляют собой продолжение естественного языка и не могут не быть таковыми, поскольку закон обращен к рядовым гражданам и призван регулировать их социальное поведение. С другой стороны, они имеют узко специализированное содержание, предназначенное для специалистов, поскольку вытекают из системы права, юридических презумпций. Особенно актуализируется амбивалентность такого рода, когда юридический текст и термин как его компонент объединяют одновременно специальные и обыденные смысловые компоненты. Совпадение широко используемых общенародных слов со специальными терминами вызывает трудности их практического понимания рядовыми носителями языка, так как представления, присущие обыденному сознанию, неоднозначно сопрягаются со специализированными презумпциями. В связи с этим возникает вопрос о глубине различий семантики «естественного» слова и этого же слова в качестве юридического термина.

3. Юридические термины в аспекте единственности-множественности интерпретации. Юридические термины – «элемент юридической техники, словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [3. С. 782]. Юридические термины, языковые по сути, являются опорными точками в процессе познания правовых явлений, представляя собой «основной, наиболее информационный пласт лексики языка законодательства, способствующий точному и ясному формированию правовых предписаний, достижению максимальной лаконичности юридического текста» [9. С. 7].

Терминологизация общелитературных слов происходит двумя способами:

1) моносемичное слово литературного языка становится основой образования моносемичного термина с более глубоким и широким по содержанию значением (*преступление, наказание, бездействие*);

2) терминологическое значение развивается на основе одного из значений полисемичного слова также путем расширения и углубления его содержания (слово *покушение* в современных толковых словарях имеет четыре значения: 1) попытка совершить что-либо недозволенное, незаконное; 2) попытка присвоить что-нибудь, завладеть чем-нибудь, не имея на это права; 3) попытка лишить жизни; 4) попытаться использовать кого-нибудь / что-нибудь, занять, привлечь к делу (шутл.) [10–12]. В юридическом словаре *покушение* – это «умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам») [3. С. 440].

По мнению Р.А. Ромашова, совпадение юридического термина с общенародным словом «лишь усугубляет трудности практического понимания рядовыми носителями языка юридических текстов, так как оно может создавать лишь иллюзию понятности» [13. С. 55].

Н.Г. Михайловская также отмечает, что «употребление лексических единиц, преимущественно харак-

терных для определенных функциональных разновидностей, в многообразных подсистемах литературного и, шире, национального языка неизбежно связано с различной реализацией их семантического потенциала» [14. С. 110].

Множественность интерпретационных результатов, вытекающая из субъективности процессов интерпретации терминов (в частности юридических), является ключевым проявлением стихийности естественного языка. Н.Д. Голев подчеркивает, что «термины создаются по законам естественного языка, входят в узус по законам его стихийного функционирования, употребляются и интерпретируются в речемыслительной деятельности так же, как слова в обычном речепотреблении» [15. С. 6]. В результате интерпретации одно и то же содержание термина может быть репрезентировано в сознании реципиента с разной степенью полноты, точности и глубины, что зависит от ситуации, контекста, типов сознания и уровней подготовки субъекта интерпретации. При этом перлокутивный эффект реального функционирования юридических терминов в обыденном сознании носителей русского языка может существенно отличаться от авторских интенций – замысла законодателя.

С целью выявления реальных значений юридических терминов нами был проведен лингвистический эксперимент, в котором приняли участие 300 испытуемых – преимущественно студенты ФГБОУ ВПО «Кемеровский технологический институт пищевой промышленности» и ФГБОУ ВПО «Российский торгово-экономический университет». Испытуемым для интерпретации (толкования) были предложены термины Конституции Российской Федерации. Использование данных терминов в качестве стимульного материала обусловлено тем, что Конституция является основным законом Российской Федерации, имеющим высшую юридическую силу, применяющимся на всей территории государства, следовательно, понимание его смысла и содержания всеми гражданами является обязательным. Терминология Конституции – это общеправовая терминология, системно объединяющая термины, функционирующие во всех отраслях законодательства, выражая и обозначая понятия широкого обобщенного значения.

Мы не расшифровывали понятие «юридический термин», старались свести к минимуму и комментарии к заданиям, так как при подробном объяснении могли получить результаты, обусловленные во многом примерами, следовательно, не представляющие научной ценности. На предложенные слова-стимулы в целом было получено 3 000 реакций-ответов. Реакция могла быть выражена в виде слова в любой форме, в виде словосочетания или предложения, иногда использовались цифры, знаки, рисунки.

Лингвистический эксперимент включал два этапа: дефиниционный и ассоциативный. Коммуникативное задание в анкетах было сформулировано таким образом, чтобы предопределить использование определенной стратегии толкования. Так, в ходе дефиниционного эксперимента испытуемым были предложены анкеты, содержащие вопрос: какое значение имеют данные слова? Каждый участник эксперимента, получивший

анкету со словами-стимулами, в течение 10–15 минут должен был заполнить ее, ответив на вопрос. В результате эксперимента было получено 1 500 реакций-ответов. Далее проводился семный анализ полученных толкований. В скобках указано количество студентов, которые отметили данные семы. Семы, выделенные при обыденном толковании, сопоставлялись с семами, зафиксированными в Большом словаре юридических терминов.

Анкеты для ассоциативного эксперимента содержали вопрос: какие ассоциации вызывают у Вас данные слова? Испытуемым не давалось никаких ограничений на словесные реакции. При этом учитывались только первые ассоциативные реакции как наиболее достоверные, так как остальные ассоциации могут быть уже ассоциациями не на слово-стимул, а на предыдущую реакцию. Время заполнения анкеты было ограничено 3 минутами. В результате эксперимента было получено 1 500 реакций-ответов. Синонимичные слова, варианты слова (например, закон – законы), включая синтаксические варианты, считаются разными реакциями, которые располагаются в порядке частотности (цифры – число реакций). Полученные ответы были упорядочены по полювому принципу – ядро, ближняя и дальняя периферия. Принадлежность к той или иной зоне определяется частотой употребления (яркостью) признака. В конце блока указаны итоговые цифры: общее число реакций, данных на слово-стимул; число разных ответов; число «отказов», т.е. количество испытуемых, оставивших стимул без ответа. Далее следовала семная интерпретация ассоциатов и полювый анализ полученных сем.

Например, *государство* как юридический термин имеет три значения: 1) в теории права – определенный способ организации общества, основной элемент политической системы, организация публичной политической власти, распространяющаяся на все общество, выступающая его официальным представителем и опирающаяся на средства и меры принуждения; 2) в конституционном праве – совокупность официальных органов власти, действующих в масштабе страны или субъекта Федерации с местными агентами этих органов; 3) в международном праве – основной участник международных отношений [3. С. 129].

В результате дефиниционного эксперимента выявлено, что под *государством* понимается: 1) страна (7); 2) определенная территория, имеющая границы (27), на ней проживает определенный народ (6) с правами и обязанностями (8), есть законы (4), лидер, руководитель (5), суверенитет (3), символика (2), органы власти (3).

1. Формирование ассоциативного поля слова-стимула *государство*.

Государство – власть 6, страна 6, президент 4, Россия 4, независимое 3, Путин 3, Родина 3, границы 2, держава 2, закон 2, гражданин 1, гражданство 1, древнерусское 1, защита 1, население 1, отдельное 1, политика 1, правительство 1, Российское 1, РФ 1, сильное 1, современное 1, территория 1, управление 1, язык 1; 50+25+0.

2. Семная интерпретация ассоциатов: а) территориально закрепленное объединение (страна 6, Россия 4, Родина 3, границы 2, держава 2, население 1, Россий-

ское 1, РФ 1, территория 1); б) исторически сложившееся (древнерусское 1, современное 1); в) имеющее аппарат управления (власть 6, президент 4, Путин 3, закон 2, политика 1, правительство 1, управление 1); г) обладающее суверенитетом (независимое 3, защита 1, отдельное 1, сильное 1); д) определяет статус человека как носителя прав (гражданин 1, гражданство 1); е) наличие государственного языка (язык 1).

3. Полевой анализ полученных сем.

Ядро семантики слова составляют семы а, в, ближнюю периферию – г, дальнюю – б, д, е.

Гражданство в юридическом смысле – «устойчивая правовая связь лица с конкретным государством: государство признает и гарантирует права и свободы человека, защищает и покровительствует ему за границей; в свою очередь гражданин безусловно соблюдает законы и предписания государства, выполняет установленные им обязанности» [3. С. 133].

Дефиниционный эксперимент показал следующие значения слова *гражданство*: 1) связь, принадлежность к определенной стране (24), государству (15) выражается в наличии у человека прав и обязанностей (9), дается в зависимости от места рождения (4) или проживания (9); 2) документ, который свидетельствует о принадлежности человека к государству (3); 3) часть общества со своей расой и языком (2).

1. Формирование ассоциативного поля слова-стимула *гражданство*.

Гражданство – российское 7, гражданин 4, принадлежность к какой-либо стране 4, государство 3, паспорт 3, иностранец 2, получить 2, права 2, РФ 2, беженец 1, виза 1, где проживаешь 1, где родился и живешь 1, гражданин всего мира 1, граница 1, дает право жить, где родился 1, дать 1, двойное 1, держава 1, дом родной 1, лишить 1, ответственность 1, правоспособность 1, путешествовать 1, родина 1, родители 1, страна 1, там, где проживаешь в данное время, не зависит от места рождения 1, штамп в паспорте 1, эмигрант 1; 50+30+0.

2. Семная интерпретация ассоциатов.

а) устойчивая связь человека с государством (российское 7, гражданин 4, принадлежность к какой-либо стране 4, государство 3, РФ 2, где проживаешь 1, держава 1, страна 1, там, где проживаешь в данное время, не зависит от места рождения 1); б) связь с местом рождения (где родился и живешь 1, дает право жить, где родился 1, дом родной 1, родина 1, родители 1); в) совокупность прав и обязанностей (права 2, ответственность 1, правоспособность 1); г) возможность взаимоотношений с другими государствами (паспорт 3, иностранец 2, беженец 1, виза 1, гражданин всего мира 1, граница 1, двойное 1, путешествовать 1, штамп в паспорте 1, эмигрант 1); д) действия по отношению к гражданству (получить 2, дать 1, лишить 1).

3. Полевой анализ полученных сем.

Ядро семантики слова составляет семы а, ближнюю периферию – г, дальнюю – б, в, д.

Слово *закон* в качестве юридического термина имеет два значения: 1) юридический акт, принятый высшим представительным органом государственной власти либо непосредственным волеизъявлением народа и регулирующий наиболее важные общественные отношения; 2) нормативные правовые акты в целом [3. С. 197].

Иначе понимается данное слово в обыденной речи: 1) нормативный акт (9), в котором зафиксированы права и обязанности граждан (2); 2) набор правил и норм (32), установленных государством (9), их нельзя нарушать (14), нарушение наказуемо (4); 3) рамки, из которых нельзя выходить (3); 4) социальная сеть юристов (1).

1. Формирование ассоциативного поля слова-стимула *закон*.

Закон – порядок 3, правила 3, законодательство 2, запрет 2, кодекс 2, право 2, суров 2, человек 2, акт 1, блюсти 1, законодатель 1, исполнение 1, конституция 1, наказание 1, написать 1, нарушение 1, нарушить 1, непорядок 1, норма 1, нормативный акт 1, обсудить 1, ограничение 1, ответственность 1, подписать 1, подчиняться 1, правовой акт 1, преступник 1, регулировать 1, свод законов 1, свод правил 1, сила 1, система 1, система права 1, соблюдать 1, статья 1, строгость 1, толкование 1, управлять 1, устанавливать 1, федеральный 1; 50+40+0.

2. Семная интерпретация ассоциатов: а) элемент системы права (право 2, законодательство 2, кодекс 2, суров 2, акт 1, законодатель 1, конституция 1, нормативный акт 1, правовой акт 1, свод законов 1, система 1, система права 1, статья 1, строгость 1, федеральный 1); б) закрепляющий нормы, правила поведения (правила 3, норма 1, свод правил 1); в) регулирующий общественные отношения (порядок 3, запрет 2, человек 2, блюсти 1, наказание 1, нарушение 1, нарушить 1, непорядок 1, ограничение 1, ответственность 1, подчиняться 1, преступник 1, регулировать 1, соблюдать 1, управлять 1, устанавливать 1); г) имеет ряд стадий функционирования (исполнение 1, написать 1, обсудить 1, подписать 1, толкование 1).

3. Полевой анализ полученных сем.

Ядро семантики слова составляют семы а, в, дальнюю периферию – б, г.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что обыденное толкование юридических терминов характеризуется множественностью вариантов интерпретации, которые далеко не всегда совпадают с их официальным вариантом. В обыденном толковании можно выделить следующие тенденции.

1. Понятия, функционирующие в общеупотребительном языке и являющиеся частью обыденного сознания, часто не совпадают с понятиями, употребляемыми в качестве юридических терминов. Например, «закон», «народ», «правосудие» как элементы лексической системы языка гораздо шире, чем юридические понятия. В то же время наблюдается обратная ситуация: понятия «государство», «гражданин», «собственность» в общеупотребительном языке уже, нежели в юридическом смысле. Это ложно ориентирует рядового носителя языка, предполагающего, что он точно понимает общеупотребительные слова, являющиеся терминами.

2. Термины, однозначные с точки зрения юридического толкования, оказываются многозначными для рядового носителя языка (например, «гражданство», «законодательство», «правительство»).

3. Неразличение и подмена одного юридического понятия другим (Государственная дума – правительство – Совет Федерации – Федеральное собрание, во-

енное положение – чрезвычайное положение, право – свобода).

4. Многие семантические признаки реально функционирующего значения в лексикографическом значении не отражены, и наоборот, некоторые признаки, вошедшие в лексикографическое описание, могут быть периферийными, т.е. слабо отражаться или вообще не отражаться в сознании носителей языка.

Например, ключевые семы для обыденного значения термина «президент» – «управляет страной», «ему подчиняются партии, депутаты», «выбран народом», «действует в интересах народа», «является Верховным главнокомандующим» – отсутствуют в нормативном значении. Семы «признание верховенства конституции и законов», «политический плюрализм», «неотчуждаемость прав человека», являющиеся сущностными для лексикографического значения термина «демократия», в обыденном толковании не отражены.

5. Использование общеупотребительной конкретной лексики вместо абстрактной (человек – лицо, субъект).

6. Употребление видовых обозначений вместо родовых (дом – имущество).

7. Построение как полных дефиниций (гражданин – человек, который проживает на территории какой-либо страны), так и неполных дефиниций, содержащих указание на родовой компонент (гражданин – человек) и содержащих видовой компонент (гражданин – имеет паспорт).

8. Степень сложности формальной организации при обыденном толковании выше, чем при толковании, данном в словаре юридических терминов, так как используются развернутые синтаксические конструкции вместо синтетических форм (имущество человека, которым он может пользоваться и распоряжаться, – имущество, принадлежащее какому-либо субъекту на праве собственности).

Отметим также, что реальное значение юридических терминов, помимо основных, наиболее существенных отличительных черт предмета или явления, включает оценочную (закон – суров), энциклопедическую (гражданство – гражданин всего мира), утилитарную (закон – порядок), регулятивную (Конституция – надо знать всем) и социально-культурную (гражданин – Советского Союза) зоны.

Проведенные эксперименты показали, что набор обыденных метаязыковых дефиниций и ассоциативное поле одного и того же юридического термина имеют как зону пересечения, связанную с тем, что дефиниция и ассоциация являются формами экспликации содержания данного слова, так и зону расхождения, определяемую спецификой, вытекающей из разного акцентирования содержания.

Отсутствие четких границ между дефиниционной и ассоциативной стратегиями проявляется в том, что при ответе на вопрос о значении терминов в качестве второстепенной стратегии толкования выявлена ассоциативная стратегия (гражданство – российское), и наоборот, дефиниционная стратегия появляется при ответе на вопрос об ассоциации (гражданство – дает право жить, где родился).

Особенности названных выше стратегий и соответствующих форм репрезентации содержания юридиче-

ских терминов заключается в следующем. Дефиниционная стратегия толкования слова направлена на установление соответствия содержания юридического термина отображаемой реальности. В процессе толкования происходит расчленение эксплицируемого содержания и перечисление его признаков. Все семантические компоненты, вошедшие в дефиницию каждого значения, априори считаются ядерными.

Противоположной линии усиления гносеологичности является тяготение к бессознательным формам экспликации содержания юридических терминов. Если ответы-дефиниции стремятся к понятийному статусу содержания, то ассоциации в большей степени связаны с чувственными формами мышления, их субстратной основой является целостный образ. Отличие понятия от представления состоит именно в форме и способе отражения признаков предмета и явления (расчлененное на признаки знание о предмете или нерасчлененная чувственно-наглядная форма), а не в том, какие признаки в них отражаются – существенные или несущественные. Ассоциативная стратегия направлена на соотнесение предмета с признаком, свойством, действием, но при использовании этой стратегии не предполагается актуализация дифференциальных признаков термина, каждый акт ассоциирования – целостный.

Дефиниционная стратегия ориентирована прежде всего на отражение определенных шаблонов, типовых ситуаций, известных большинству говорящих, ассоциативная стратегия, напротив, обращена к индивидуальным, субъективным представлениям (хотя в процессе ассоциирования тоже имеются стандарты).

Потенциал множественности интерпретации, наряду с другими факторами, обусловлен также и лингвоперсонологическим фактором – многообразием типов языковых личностей адресатов, их интенциональностью, особенностями применяемых ими интерпретационных стратегий.

Разнообразные стратегии интерпретации юридических терминов можно свести к двум основным принципам: холистическому и элементаристскому. Сторонники холистического принципа признают целостность воспринимаемого объекта как неперемное условие отражения его качественного своеобразия. Процедура восприятия строится по принципу «сверху вниз». Элементаризм, напротив, предполагает восприятие «снизу вверх», смысл целого складывается из смысла составляющих его элементов. Н.Д. Голев отмечает, что «русское обыденное метаязыковое сознание скорее предпочитает холизм – непосредственное обращение к сущности целого, элементаризм же – выведение целого из его компонентов – менее присущ русской метаязыковой ментальности» [16. С. 386].

4. Некоторые практические следствия исследования. Обобщая сказанное выше, отметим, что обыденное толкование существенно отличается от других способов реализации смысла правового текста. Юридические термины, составляющие основное содержание правовых текстов, характеризуются как смысловой вариативностью, так и множественностью форм репрезентации содержания, а также разнообразием стратегий толкования. Поэтому законодатель, выражая свою мысль в тексте закона, должен учитывать его реальное

понимание рядовыми реципиентами. Онтологическая сущность коммуникативного процесса – это не только реализация авторской интенции, но и процесс мыслительной активности адресата, его интерпретационно-семантизирующей реакции на речевое произведение.

В связи с этим толкование права рядовыми носителями языка, т.е. обыденное толкование, имеющее исключительно практическую направленность, подлежит серьезному изучению.

Для достижения относительной гармонии естественного языка и юридического, следовательно, обыденного и правового сознания, а также с целью повышения эффективности правовой коммуникации необходимо реализовать следующие стратегии:

1) постоянно повышать уровень метаязыкового сознания непосредственных участников правовой коммуникации, специалистов в области права. Прежде все-

го, необходимо уделять гораздо больше внимания механизмам обыденного функционирования языка и текста. Как следствие – достижение понимания глубинных закономерностей устройства и функционирования естественного языка – источника многих конфликтов в законоприменительной деятельности;

2) преумножать правовые знания населения, что позволит рассчитывать на относительное преодоление обыденных презумпций, трансформацию их в юридические на основе понимания специфичности юридического текста;

3) укреплять юрислингвистическую парадигму в лингвистике; лингвисты также должны все более осознавать, что те их теоретические и практические исследования, которые направлены в сферу права (и/или юриспруденции), никак не могут быть механической трансформацией одной парадигмы в другую.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (проблемы генезиса и теоретико-правового обоснования): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2007. 42 с.
2. Александров А.С. Толковательное право? // Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово : межвуз. сб. науч. тр. Кемерово, 2011. С. 11–19.
3. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М. : ИНФРА-М, 2010. 704 с.
4. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. М. : Юридическая литература, 1982. Т. 2. 360 с.
5. Соцура Л.В. Неофициальное толкование норм права : учеб. пособие. М. : Профобразование, 2000. 112 с.
6. Закон: создание и толкование / под ред. А.С. Пиголкина. М. : Спарк, 1998. 166 с.
7. Голев Н.Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрислингвистика-7 : Язык как феномен правовой коммуникации. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 8–36.
8. Голев Н.Д. О специфике языка права в составе общенародного русского языка // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 39–57.
9. Прянишников Е.А. Опыт лингвостатистического исследования текста закона // Проблема автоматизированной обработки научно-технической информации : всесоюз. науч.-техн. конф. : тез. докл. М., 1976. С. 7–11.
10. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2010. 1536 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Инфотех, 2009. 944 с.
12. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. 750 с.
13. Ромашов Р.А. Интерпретация права: лингвистический и технико-юридический аспекты // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция / под ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 52–58.
14. Михайловская Н.Г. О формировании и функционировании юридической лексики // Терминология и культура речи. М. : Наука, 1981. С. 110–123.
15. Голев Н.Д. Научные термины как проявления стихийного функционирования языка: полемические заметки // Метаязык науки : мат-лы Междунар. науч. конф. / гл. ред. С.В. Лесников. Сыктывкар : СыктГУ, 2012. С. 5–11.
16. Голев Н.Д. Современное российское обыденное метаязыковое сознание между наукой и школьным курсом русского языка («правильность» как базовый постулат наивной лингвистики) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. II / отв. ред. Н.Д. Голев ; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». Томск : Томский государственный педагогический университет, 2009. С. 378–410.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 апреля 2014 г.

OPPOSITION OF OFFICIAL AND ORDINARY INTERPRETATIONS OF THE LAW (COGNITIVE ASPECT)

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 35–41. DOI: 10.17223/15617793/383/5

Vorobyova Marina E. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail:

Keywords: interpretations of the law; official interpretations of the law; informal interpretations of the law; ordinary interpretation of the law; legal language; legal terms.

The article focuses on the peculiar features of the official and ordinary interpretations of the law in the cognitive aspect (in terms of linguistic interpretationism). A fundamental feature of ordinary interpretation is variability of understanding and interpretations of the meaning of legal texts and terms determined by objective linguistic factors and individual psychological characteristics of the recipient. In the process of interpreting the ordinary native speaker has to deal with a kind of functional juridical version of the Russian language as an independent subsystem. Legal language cannot be translated into the ordinary Russian language by an elementary way – by spontaneously generated codes existing in ordinary consciousness. The special quality of legal language is determined by the collision between antinomial existence of natural language, natural laws of its existence, semantic nets of linguistic units and imperative legal texts and rigid semantization of linguistic units used in legal language. This leads to the fact that the understanding of the rule of law by ordinary native speakers does not always correspond to the legal idea laid down in the text of the law by the legislator with potential communicative failures as a consequence. The possibility and the degree of communicative failure are magnified when the legal text and the legal term as its component are simultaneously combined by special and ordinary semantic components. Coincidence of ordinary words with the specific terms causes difficulties for their practical understanding by ordinary native speakers, because the ideas typical to ordinary consciousness do not ambiguously match specialized presumptions. As a result, the content of the term may be represented in the

mind of the recipient with a various degree of fullness of understanding of the term, its accuracy and depth. It depends on the situation, context, types of consciousness and levels of the preparation of the subject of interpretation. At the same time perlocutionary effect of real functioning of legal terms in the ordinary consciousness of Russian native speakers may differ significantly from the intentions of the author – intention of the legislator. On the basis of experimental data the article has examples showing that the ordinary interpretation of legal terms is characterized by plenty of versions of interpretation which do not always coincide with their official ones. We can distinguish two trends of the ordinary interpretation: 1) a word in the mind of the native speaker has more meanings than registered in legal dictionaries; 2) the number of meanings registered in dictionaries is richer than in the linguistic consciousness. Furthermore, the structure of the semanteme differs – the hierarchy of nuclear and peripheral meanings.

REFERENCES

1. Polyakov A.V. *Kommunikativnaya kontsepsiya prava (problemy genezisa i teoretiko-pravovogo obosnovaniya)*. Avtoref. dis...d-ra. yurid. nauk [Communicative concept of the law (problem of genesis and theoretical-legal justification). Abstract of Law Dr. Diss.]. St. Petersburg, 2007. 42 p.
2. Aleksandrov A.S. [Interpretative law?]. *Yurislingvistika-11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo* [Juridical linguistics-11: Law as discourse, text and word]. Kemerovo, 2011, pp. 11–19.
3. Sukharev A.Ya., Krutskiy V.E. (eds.) *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [The Big Legal Dictionary]. Moscow: INFRA-M Publ., 2010. 704 p. (In Russian).
4. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava. V dvukh tomakh* [The general theory of law. In two vols.]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1982. Vol. 2, 360 p.
5. Sotsuro L.V. *Neofitsial'noe tolkovanie norm prava* [Informal interpretation of rules of law]. Moscow: Profobrazovanie Publ., 2000. 112 p.
6. Pigolkin A.S. (ed.) *Zakon: sozдание i tolkovanie* [Law: creation and interpretation]. Moscow: Spark Publ., 1998. 166 p.
7. Golev N.D. [Legal communication in a mirror of a natural language]. *Yurislingvistika-7. Yazyk kak fenomen pravovoy kommunikatsii* [Juridical linguistics-7. Language as phenomenon of legal communication]. Barnaul: Altai University Publ., 2006, pp. 8–36. (In Russian).
8. Golev N.D. [On specifics of language of the law as a part of the Russian language]. *Yurislingvistika-5. Yuridicheskie aspekty yazyka i lingvisticheskie aspekty prava* [Juridical linguistics-5. Legal aspects of language and linguistic aspects of the law]. Barnaul: Altai University Publ., 2004, pp. 39–57. (In Russian).
9. Pryanishnikov E.A. [Experience of a linguo-statistical research of the text of law]. *Problema avtomatizirovannoy obrabotki nauchno-tekhnicheskoy informatsii. Tezisy dokladov Vsesoyuznoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii* [Problem of the automated processing of scientific and technical information. Proc. of the All-Union scientific and technical conference]. Moscow, 1976, pp. 7–11. (In Russian).
10. Kuznetsov S.A. (ed.) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [A Big Explanatory Dictionary of Russian]. St. Petersburg: Norint Publ., 2010. 1536 p.
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of Russian]. Moscow: Infotekh Publ., 2009. 944 p.
12. Evgenieva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Dictionary of the Russian Language in four volumes]. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy Publ., 1999. Vol. 3, 750 p.
13. Romashov R.A. [Interpretation of law: linguistic and technical-legal aspects]. *Yurislingvistika-10: Lingvokonfliktologiya i yurisprudentsiya* [Juridical linguistics-10. Linguoconflictology and jurisprudence]. Kemerovo; Barnaul: Altai University Publ., 2010, pp. 52–58. (In Russian).
14. Mikhaylovskaya N.G. *O formirovani i funktsionirovani yuridicheskoy leksiki* [On formation and functioning of legal lexicon]. In: *Terminologiya i kul'tura rechi* [Terminology and culture of speech]. Moscow: Nauka Publ., 1981, pp. 110–123.
15. Golev N.D. [Scientific terms as manifestations of spontaneous functioning of language: polemic notes]. *Metazyk nauki: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Meta-language of science. Proc. of the International scientific conference]. Syktyvkar: Syktyvkar State University Publ., 2012, pp. 5–11.
16. Golev N.D. *Sovremennoe rossiyskoe obydennoe metazykovoe soznanie mezhd naukoy i shkol'ny kursom russkogo yazyka ("pravil'nost'" kak bazovyy postulat naivnoy lingvistiki)* [Modern Russian ordinary meta-language consciousness between science and a school course of Russian ("correctness" as a basic postulate of naive linguistics)]. In: Golev N.D. (ed.) *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary meta-language consciousness: ontologic and gnoseological aspects]. Tomsk: Tomsk state pedagogical university Publ., 2009. Pt. 2, pp. 378–410.

Received: August 08, 2014